

18(31).12.1916 Москва 19/31 декабря
219 16

Ба твои письма, здравствуй, и попутки - и
письма из Анны, и по почте. Мать очень рада,
что Анна послала свое письмо, и показав его мне!
Знаешь, конечно, не за это не позволюсь ей отпрести
его. И мать уже давно знает, что в твоей деятельности
конечно, важна ее товарищеская и дружная и теплая,
иногда и прощая, иная позиция. Но, теперь, уже поздно,
чтобы прийти. Довольно-таки мне ничего не приходится,
но безпокойство бывает. И не только от Володы, но и
от Миши. В последние времена в Володе даже за-
бота - по Мише давать испитиости. Безбога бы тот,
что все как-то, директора никак не могут прибавить
к нему, как уговоры никак не исполняют. Прогресс Миши,
условия, подготовка - что-то и все наоборот, что
даже и наоборот. Можете и уф. есть какие-нибудь
претензии - но они должны и не доходить. Семейство
не может и раздать не буду - а писать они не хотят
да. Если все это такое маленькое, то лучше всего бу-
дет, если не сразу и не сразу, но и согласен согла-
шить свою роль семейная опекун того, кто
не прощает и отсиживает и не может, если

они и добровольно, и с радостью шли с собой
эти почетные обязанности и то называли
достоинством и даже кому-нибудь постороннему
человеку. Но из-за того торжества призывов
едва-ли есть нужда. Дело товарищества в преем-
ственном состоянии. Благодаря тому, что все
расчеты производятся на наличные деньги,
деньги стали необходимо читать. Они обеспечены
и недвижимостью, и наличными деньгами и теперь
облегчить никому не боится. И мое опекунство те-
перь стало совершенно излишним: теперь от-
лично можно обойтись без меня. И, когда ты
вернешься, это будет очень легко сделать.
Может быть, как Германия вступила с пра-
вой о призыве переоборудован, и ты здесь все
сразу убедишься, что уже до конца войны
недалеко. Тогда ты согласишься, и, как глав-
ная причина, возмещая, что захотел
во свои представители. Конечно, и пожелав,
как тебе нравится - но я не знаю)
переедем - и ты теперь и ты и ты и ты

условия переезда. Кем же уже тогда, когда там
 путешествиям легко давались. Там что это и
 предоставлю твоему употреблению - если ты
 уже там хочешь вернуться, возвращайся, и
 ожидаю окончания войны. Но, по моему мнению
 и по мнению окончания войны: по моему Герма-
 ния уже долго не продержится. Главное - же,
 от не волеющих там из-за меня. И вижу, что
 мои опасения и обязанности уже не будут
 будут меня тяготить: скоро можно бу-
 деть совсем забыть о них, т.к., победив,
 дело настолько упрочилось, что о нем можно
 совсем и не думать.

на счет покупки радиума для Анны - пока
 не так много. Пока она еще не
 купила, а, если бы Сорбонна и Приорьева, через
 которую она хлопотала бы приобрести пред-
 лагаемое Кюри и устроила что-нибудь, то

ма будь бы съ ней здрѣе разсчитались. Было
вотъ сейчасъ въ Петрозаводскѣ, т. к. Евлеви тошноты
получили довольно большое наказание въ Россіи
отъ французскаго министерства иностранныхъ
дѣлъ. Проводятъ первое время, будь совершенно спокой-
но. Сейчасъ въ Митенѣ угадывать и оицъ, кажется
онъ, уже болѣе не будетъ глумиться, а Вологодъ,
повторяю, если онъ не имеетъ талан-
та, какъ и мы, что ему скоро со мной собствен-
но не придется имѣть никакого дѣла, не имѣю
ему отъ своего собственнаго имени и, прибавь, что,
если онъ будетъ притѣвлять, то тогда теперь-ли
назначимъ ^{Ев. И?} Ев. И. на мое мѣсто, до вѣсна возвра-
тятся. Узнаю нѣтъ ли новостей. Получилъ изъ Док-
тора два экземпляра перевода моей книги
(я тоже писалъ объ этомъ) на англійскій.
Книжки тошноты что пришли — еще не успѣли
престроить, короче ли переводы. Узнаю
тебѣ, Киманъ и Саму. Привѣтъ отъ Лиды
и Анны Николаевны. Лиды также узнаю свое-
сти и всѣхъ твоихъ молодцовъ твоихъ

Москва 18/31 -- 12 -- 1916.

Оба твои письма, дорогая Фаня, получил -- и письмо к Анне, и ко мне. Мне очень жаль, что Анна послала свое письмо, не показав его мне: я бы, конечно, ни за что не позволил ей отправить его. И мне ужасно жаль, что вы так встревожились. Конечно, возня с товарищес- вом и его делами и теперь, как и прежде, мне мешает. Но, теперь, уже меньше, чем прежде. Делать то мне ничего не приходится, но беспокойство бывает. И не только от Володи, но и от Миши. В последнее время я о Володе даже забыл, но Миша делал неприятности. Вся беда в том, что все наши "директора" никак не могут привыкнуть к мысли, что уговор нужно исполнять. Приедет Миша, условимся, все пообещает -- уедет и все позабыл, делает на выворот. Может и у В. есть какиенибудь претензии?, но они до меня не доходят. Я домой не езжу -- и ездить не буду, а писать он не решается. Если же он тебе жалуется, то лучше всего будет, если ты ему напомнишь, что я ^{сильно} согласен сохранить свою роль семейного опекуна только по его же просьбе и очень настоятельной и, что, если он не доволен, то я с радостью сниму с себя эти почетные обязанности и ты назначишь вместо меня какого нибудь постороннего человека. Но из-за этого теряться приездом едва-ли есть

Bg

нужда. Дела товарищества в превосходном состоянии. Благодаря тому, что все расчеты производятся на наличные деньги, дело стало необычайно прочным. Оно обезпечено и недвижимостью, и наличными деньгами и теперь совсем ничего не боится. И мое опекунство теперь стало совершенно излишним; теперь отлично могут обойтись без меня. И, когда ~~ты~~ ты вернешься, это будет очень легко сделать. После того, как Германия выступила с просьбой о мирных переговорах, мы здесь все сразу убедились, что уже до конца войны недалеко. Тогда ты приедешь, и, как главная найдица, возьмешь, кого захочешь, в свои представители. Конечно, я понимаю, как тебя тянет домой -- но я не знаю, перенесешь-ли ты теперешние тягостные условия переезда. Не те уже годы, когда такие путешествия легко давались. Так что это я предоставляю твоему усмотрению -- если ты уже так хочешь вернуться, возвращайся, не ожидая окончания войны. Но, по моему, можно и подождать окончания войны -- по моему Германия уже долго не продержится. Главное-же, не волнуйся так ~~мне~~ из за меня. Я вижу, что мои опекунские обязанности уже не долго будут меня тяготить: скоро можно будет совсем забыть о них, т.к., повторяю, дело настолько упрочилось, что о нем можно совсем и не думать.

На счет покупки радиума для Анны -- тоже не так страшно. Пока она его еще не купила, а, если бы Софья Григорьевна, через которую она хлопочет в Париже пред мадам Кюри и устроила что нибудь, то мы бы с ней здесь рассчитались. Она ведь сейчас в Петрограде, так как Евгений Юльевич получил довольно большое назначение в России от французского министерства иностранных дел. Словом -- первое дело, будь совершенно спокойна. Сейчас с Мишей я уладил и он, кажется, уже больше не

сopie 220

59
60

будет фантазировать, а Володя, повторяю, если он на меня жалуется, напиши, что ему скоро со мной ^{вовсем} не придется иметь ~~никакого~~ никакого дела. Напиши ему от своего собственного имени, и прибавь, что, если он будет приставать, то ты теперь же назначишь Ев. ^и ~~И.~~ на мое место до своего возвращения. *Какие Ев. и?*

У нас ничего нового. Получил из Лондона два экземпляра перевода моей книги (я тебе писал об этом) на английский. Книги только что пришли -- еще не успел просмотреть, хорош ли перевод.

Целую тебя, Германа и Сашу. Привет Ал. Алекс. и Алексею Николаевичу. Лида часто у нас бывает и держится молодцом.

Твой Л.Ш.